

На ярмарке у храма народ уже понемногу расходился. У ворот лениво развалились бродячие псы, едва поводя облезлыми хвостами под палящим солнцем. Зато служки у входа бдели вовсю. Их цепкие, жадные взгляды так и выискивали в толпе зажиточных паломников.

— С двух душ — двадцать вэней, — звонко отчеканил один из мальчишек.

— Двадцать вэней?! — возмутился Хуа Тянь. — Да я за ковку куска лома получаю от силы десять!

Он бесцеремонно потрепал юных послушников по гладко выбритым макушкам и заговорщически подмигнул:

— Ну же, малые. Пропустите по-хорошему, пока уши целы.

— Благодетель, в святой обители негоже сыпать угрозами, — раздался вкрадчивый густой голос.

Из ворот, благостно улыбаясь, выплыл здоровенный монах с холщовым кошель в руках.

— Заплатите за вход, не гневите Будду.

Хуа Тянь с ног до головы окинул преподобного оценивающим взглядом. Роба лоснится, в уголке губ поблескивает свиной жир, а под широкой рясой колышется такое пузо, что никакой тканью не скроешь. Сразу видно: здешняя благодать сытная, наваристая.

Заглянув в приоткрытые створки дверей, Хуа Тянь лишь мысленно хмыкнул. Ну и ну! Внутри всё так и сияло золотом. Мало общего у этого места с истинным состраданием — за парадным благочестием явно скрывался прибыльный промысел.

Заметив, что монах собирается кликнуть подмогу, Хуа Тянь поспешно выудил из кармана пару монет и швырнул их в кошель.

— Договорились, договорились. Чего шуметь.

Получив плату, святой отец подобрел и отступил в сторону. Юные служки спрятались за его широкую спину и дружно показали Хуа Тяню языки. Тот лишь покачал головой, увлекая Лю Инъин за собой. План был прост: отвесить пару поклонов для приличия и поскорее убраться отсюда.

Храм оказался неказистым, высотой всего в три яруса, зато внутреннее убранство поражало кричащей роскошью. Посреди зала высилось исполинское изваяние Будды, на позолоту которого ушло несколько фунтов драгоценного металла. Хуа Тянь сокрушённо покачал

головой.

— Брат Хуа, ты чего? — негромко спросила Лю Инъин.

— Да так... Городок у нас крошечный, а идола отгрохали — смотреть тошно, — Хуа Тянь подошёл ближе и небрежно щелкнул пальцем по колену статуи.

Раздался чистый, звонкий гул. Надо же, пустотелый.

— Какая разница, велик ли лик, лишь бы молитвы доходили, — тихо отозвалась Инъин.

Мыслями она явно витала далеко отсюда. Девушка весь день была сама не своя — блуждающий взгляд, растерянный вид, словно на душе у неё лежал тяжёлый камень.

По дороге она без умолку болтала, а стоило переступить порог — точно язык проглотила. Может, здешние стены и впрямь давили на разум какой-то незримой ворожкой? Хуа Тянь затревожился. Оставив Будду в покое, он попытался увести спутницу, но та лишь упрямо качала головой, молча обвиняя его в скупости. Делать нечего, пришлось подчиниться и идти дальше.

— Благодетель, за вход во внутренний придел — по десять монет с души.

— Благодетель, на благовония — ещё по десять с души.

На пороге внутреннего святилища дорогу им преградили ещё двое. Встали слева и справа, точно разбойники с большой дороги, и слаженно раскрыли объёмистые кошель.

Хуа Тянь лишь криво усмехнулся. Обдираловка чистой воды, а не обитель веры.

Глядя на непреклонное лицо Инъин, которая, казалось, готова была пробить эту дверь лбом, Хуа Тянь со вздохом полез за пазуху.

— Ладно, ваша взяла. Держите, кровопийцы.

Но пальцы нащупали лишь дно кармана. В закромах обнаружилась всего одна жалкая связка. Положение выходило глупым.

— Слушай, Инъин, тут такое дело... Деньги кончились. Давай в следующий раз придем, а? — Хуа Тянь тактично улыбнулся.

Идея казалась блестящей: и монеты при себе останутся, и из этого притона удастся сбежать.

Но у девушки от его слов глаза округлились от негодования:

— Не верю! Вечно ты прибедряешься! Точно заныкал где-то!

Инъин знала его как облупленного. Ловко скользнув ладонью под его пояс, она выхватила кошелек, безжалостно вытряхнула последнюю связку в жадную монашескую руку и, гневно фыркнув, скрылась за дверью придела. Даже не обернулась.

— Эй! Инъин! Я снаружи подожду! Только не копайся там! — крикнул он ей вслед.

Ответом был лишь глухой стук закрывшейся створки. Зато монахи у входа захихикали, прикрывая рты ладонями и шушукаясь за его спиной.

Сплюнув от досады, Хуа Тянь побрёл прочь. У забора он приметил загон для скотины, забрался на охапку свежего сена и блаженно растянулся под тёплыми лучами солнца, прикрыв глаза.

Дремоту прервало странное, хриплое сопение над самым ухом. Хуа Тянь приоткрыл один глаз и обомлел. Прямо над ним склонилась лопоухая ослиная морда. Животное таращилось на незваного гостя огромными, выпученными глазами, шумно втягивало ноздрями воздух и то и дело брызгало слюной прямо ему на куртку.

— Ты это... извини, приятель. Не знал, что это твоё стойло, — примирительно пробормотал Хуа Тянь, пытаясь осторожно сползти со стога.

Но скотина оказалась на редкость бестолковой. Заметив резкое движение, осёл решил, что у него крадут законный провиант. Скотина взвилась на дыбы и, недолго думая, с размаху приложила Хуа Тяня копытом прямо в лоб. Посыпались искры. Мир померк.

Хуа Тянь испустил дух на месте. Вот уж воистину — копытом по башке!

В голове пульсировала дикая, разрывающая боль. Хуа Тянь хотел было ухватиться за ушибленное место, но онемевшие руки наотрез отказались повиноваться. Тело сделалось чужим, ватным. Вдруг поблизости раздались чьи-то шаги. Хуа Тянь испуганно замер.

— Ну, пошли, милоч. У нас в Подземном царстве не пропадёшь, будешь сыт и пьян, — проскрипел над ухом вкрадчивый голос.

Незнакомец ловко накиннул на его запястья тяжёлую цепь и с удивительной легкостью взвалил бездыханное тело на плечи.

Хуа Тянь едва заметно приоткрыл веки, пытаясь рассмотреть своего похитителя. Перед глазами предстал тощий малый в траурном балахоне и нелепом высоком колпаке. Черты его

лица тонули под толстым слоем мертвенно-белой пудры, сквозь которую неестественно пламенили два густо-малиновых круга румян на щеках. Выглядело это жутковато, но из-за приторной, подобострастной ухмылки, застывшей на его физиономии, страх улетучился, уступив место смеху.

Однако, скосив глаза назад, Хуа Тянь едва не лишился чувств во второй раз: на истоптанной траве у загона безжизненно валялась его собственная тушка!

«Ну всё, отбегался. На этот раз точно покойник.»

У него внутри всё похолодело. Старики поговаривали, что души усопших уносит на закорках сам Живое непостоянство — проводник мертвецов. Что же, довелось проверить на собственной шкуре.

Впрочем, Хуа Тянь унывать не привык. Смерть так смерть. Переродится, делов-то. Глядишь, в следующей жизни повезет родиться в богатом доме. Одно досаждало — костлявые плечи этого провожатого немилосердно впивались под рёбра. Сразу видно: жалование на том свете платят скудно, раз служивые так голодают.

Пока он предавался унылым размышлениям, над ухом вдруг раздался знакомый вкрадчивый голос Императора Хуагая:

«Брат Хуа, твой Нефритовый ху я склеил и спрятал тебе в рукав. Устраивайся поудобнее и наслаждайся новой должностью.»

«Сам наслаждайся, шут небесный!»

Хуа Тянь осторожно пошевелил пальцами в широком рукаве и действительно нащупал там увесистый Нефритовый ху.

Ютиться на этом ходячем скелете было больше невозможно. Хуа Тянь перестал притворяться мёртвым и бесцеремонно похлопал проводника по костлявому плечу:

— Слышь, братец Вучан, опусти-ка меня на землю.

— Мамочки мои! Упыри дикие! — взвизгнул тот.

Он кубарем скатился в пыль, роняя цепи, и распластался на земле, испуганно закрывая лицо рукавами. Сквозь щели в ткани на Хуа Тяня уставились круглые от ужаса глаза.

Хуа Тянь растерянно потер подбородок. Неужто он настолько страшен? Или... лицо изменилось, стоило примерить сан Янь-вана? Перед мысленным взором тут же возник

канонический образ владыки преисподней — свирепое чудище с багровой харей и выпученными глазами. Сердце у него ушло в пятки. Прощай, бывшая девичья отрада, прощай, благородный лик! От раскаяния у него едва не защемило в груди. Ну уж нет, в гробу он видал такое суждение!

Он склонился над дрожащим слугой и попытался силой отодрать его рукав от испуганной физиономии, чтобы прояснить этот вопрос.

— Пощади, господин хороший! Не губи душу грешную, не забирай жизнь! — взмолился бедолага, рухнув ниц и колотясь лбом о дорожную пыль.

От таких почестей Хуа Тянь стало неловко. Недолго думая, он опустился на колени прямо напротив него и, выудив из рукава склеенную дощечку, ткнул её проводнику под нос:

— Да уймись ты. На, гляди сюда.

Служка робко приподнял голову и скосил глаза на мерцающий нефрит. От увиденного его затрясло ещё пуще, а челюсть со стуком отвисла.

— Господин... Господин Янь-ван! — заикаясь, выговорил он. — Простите ничтожного, не признал великого владыку! Я...

— Хорош молоть чепуху, — поморщился Хуа Тянь и без лишних церемоний вздернул покойника на ноги за шиворот. — Веди меня в это ваше Подземное царство.

Тот покорно согнулся в три погибели и засеменял впереди. Хуа Тянь лишь тяжело вздохнул, мысленно смиряясь с тем, что отныне обречён вселять первобытный ужас в сердца окружающих.

— Великий господин, обождите малую толику на этом месте, — пролепетал служка, утыкаясь взглядом в собственные мыски. — Я мигом справлю для вас выезд.

— Ладно, валяй, — отмахнулся Хуа Тянь.

Ему было не по себе. В мире живых он сроду не видел подобного почтения. Скорее уж сам обретался в шкуре этого несчастного — заискивал, юлил, выживал как умел. Глядя на дрожащего бедолагу, он невольно проникался к нему сочувствием.

Проводник прижал пальцы к губкам и залихватски свистнул. Из зловещего тумана бесшумно соткался угольно-черный паланкин, летящий прямо по воздуху. Присмотревшись, Хуа Тянь разглядел носильщиков — уродливых хмурых карликов с пепельно-серыми лицами, державшихся за поручни мертвой хваткой.

«Ну и роскошь, — скривился Хуа Тянь. — Чисто гробокопатели на прогулке. Жуть берёт.»

— Почтение великому Дедушке Янь-вану. Давно ждём-с, — проскрежетал один из карликов, угодливо распахивая дверцу, а сам зыркнул на проводника ледяным, обещающим неприятности взглядом. Тот поспешно втянул голову в плечи.

Мимолетный обмен взглядами не укрылся от внимания Хуа Тяня. Всю свою жизнь он терпеть не мог, когда сильные помыкали слабыми. Сам нахлебался этой горечи сполна, знал её солоноватый привкус наизусть.

— Эй, Вучан, полезай внутрь, — Хуа Тянь потянул за собой робкого слугу. — Поболтаем по дороге, у меня к тебе пара вопросов.

Не дожидаясь возражений, он буквально впихнул ошарашенного беса в проем.

— Смилуйтесь, господин! Ничтожному рабу не пристало сидеть подле вашей милости! — заверещал тот, безуспешно пытаясь вновь распластаться на полу паланкина.

Обычно весёлый и покладистый, Хуа Тянь напустил на себя суровость:

— Встать. И запомни: без моего дозволения на колени больше не грохаться.

Отрезвляющий окрик подействовал мгновенно. Сжавшись в комок, проводник боязливо примостился на самом краю сиденья, стараясь даже не дышать в сторону нового повелителя.

По ходу пути Хуа Тянь выведал немало полезного об устройстве Подземного царства. Картина вырисовывалась любопытная.

Службой заправляли двое судей ада:

Лань Цзыцзюнь держал в руках Книгу жизни и смерти, ведая людским веком — праведникам срок земной продлевал, а грешников безжалостно отправлял в мир теней.

Чжун Ли хранил Книгу добра и зла, взвешивая поступки усопших и верша их посмертную долю. Чистые души получали шанс вознестись в сонм небожителей, отпетых же мерзавцев низвергали в бездну ада без права на новое рождение.

Заведовала кругом сансары почтенная Мэн-по. В её обязанности входило варить Отвар Мэн-по, стирающий былые горечи и привязанности, дабы очищенный дух безмятежно вступал в новую жизнь.

Бычьеголовый и Лошадиная Сила служили главной силой порядка и заправляли всеми призрачными воинами.

А сам забитый малый — Живое непостоянство — принадлежал к числу полумертвецов. Такие, как он, застряли на границе миров: пока брменная плоть покоится в мире живых, душа с цепями наперевес рыщет среди людей, собирая тех, чей земной удел подошёл к концу.

Беседа затянулась. Точнее, расспрашивал в основном Хуа Тянь, а перепуганный бес послушно выкладывал всё как на духу. Бесовские кони неслись во весь опор, и вскоре паланкин замер у глухих врат подземного царства.

Проводник угодливо откинул шелковую занавесь. Хуа Тянь шумно вздохнул и медленно выдохнул. Сердце предательски колотилось. Да и как тут не нервничать? Обычный деревенский лоботряс — и вдруг владыка загробного мира! Хоть бы время дали освоиться, ироды.

«Ладно, — мысленно махнул он рукой. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать. В конце концов, это воля самого Тайшан Лаоцзюня, нехорошо отказывать столь почтенному старцу. Одно непонятно: с какого перепугу великий мудрец сотворил Янь-вана именно из него?»

Размышляя об этом, Хуа Тянь ступил на усыпанную прахом землю Подземного царства.

— Приветствуем Дедушку Янь-вана! — нестройным хором взвыли встречающие.

По обе стороны выстроились два ряда призрачных стражей с землисто-серыми лицами и стеклянными, мертвыми глазами. Их рты кривились в застывших, вымученных ухмылках. Жуткое зрелище. Хуа Тяня передёрнуло от отвращения. Желание переступить порог Подземного царства испарилось без следа. Кое-как прикрыв лицо ладонями, он мелкими, неуверенными шажками заковылял вперёд.

— И долго мы собираемся мяться на пороге? — раздался холодный, ироничный голос.

Из главных дверей показался стройный мужчина с безупречно уложенными волосами. Лань Цзыцзюнь смерил Хуа Тяня, скорчившего кислую мину посреди дороги, брезгливым взглядом и язвительно поинтересовался:

— Что, господин Хуа, устроенный мною прием пришёлся вам не по вкусу?

Хуа Тяню уже доводилось мельком видеть Лань Цзыцзюня в своих снах. С виду — чистый книжный червь, утонченный и благообразный, а на деле — ледышка с ядовитым языком, к которому на кривой кобыле не подъедешь.

— Ну что ты, почтенный судья! Прием... мороз по коже, — натянув самую миролюбивую улыбку, соврал Хуа Тянь.

Будучи здесь чужаком, он рассудил, что лезть на рожон с порога глупо. Мужественно проигнорировав толпу скалящихся упырей, он решительно шагнул под своды Подземного царства.

Воистину правы мудрецы: раз ступив за порог Подземного царства, позабудь о покое навек.

<http://bllate.org/book/18412/1796453>